

УДК 811.111
DOI: 10.26140/bgз3-2021-1002-0071

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ РАКУРС АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В РЕЧЕВЫХ АКТАХ ДОГОВОРОВ ООН

© Автор(ы) 2021
AuthorID: 764243
SPIN: 5482-7429
ORCID: 0000-0001-9440-2120

ЖЕБРАТКИНА Ирина Яковлевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков,
Академия Федеральной службы исполнения наказаний
(390000, Россия, Рязань, улица Сенная, 1, e-mail: miss.zhebratkina@mail.ru)

Аннотация. Проведенное исследование в рамках настоящей работы сконцентрировано на изучении языкового поведения, с доминантным акцентом на иллокутивные ресурсы, к которым прибегают в дискурсах формулирования международных конвенций. Исследование затрагивает сферу прагматики и права - иллокутивный акт и специфический элемент юридического текста. Иллокуция – это ключевой термин теории речевого акта, обозначающее намерение, присущее устным или письменным высказываниям. С целью проведения расширенного анализа в исследовании добавляется пара важных дискурсивных переменных. К ним относятся наклонение, представляющее собой концепцию, заимствованную из системной функциональной лингвистики Хэллидея. Данное понятие предполагает существование в английском языке трех основных типов наклонения: декларативное для утверждения, императивное для команды и вопросительное для вопросительного предложения. Помимо этого особое внимание уделено концепту речевого акта. Опираясь на классификацию Серла представляется возможным выделить ассертивные, коммиссивные, репрезентативные, директивные и экспрессивные речевые акты. В настоящей работе выносятся на обсуждение следующие вопросы: какие типы иллокутивных актов встречаются в дискурсе договоров ООН; насколько часто они эксплуатируются; каким образом подобные типы иллокутивных актов отражают характер дискурсивной модели договора.

Ключевые слова: Иллокутивный акт, локутивный акт, речевой акт, правовой дискурс, наклонение, системная функциональная лингвистика, перформатив, констатив, прагматика, международный договор.

PRAGMATIC AREA OF THE ENGLISH LANGUAGE IN SPEECH ACTS OF UN TREATIES

© The Author(s) 2021

ZHEBRATKINA Irina Yakovlevna, PhD in Philology, assistant professor
of the foreign languages department
Academy of the Federal Penal Service of the Russian Federation
(390000, Russia, Ryazan, Sennaya st., 1, e-mail: miss.zhebratkina@mail.ru)

Abstract. The research carried out within the framework of this work is focused on the study of linguistic behavior, with a dominant emphasis on illocutionary resources, which are used in the discourses of formulation of international conventions. The research touches upon the sphere of pragmatics and law - an illocutionary act and a specific element of the legal text. Illocution is a dimension of speech act theory that denotes intention inherent in oral or written utterance. A couple of other discourse variables are added to the study for the purpose of conducting expanded analysis. These include mood, which is a concept borrowed from Halliday's systems functional linguistics. This concept assumes the existence of three main types of mood in English: declarative for an assertion, imperative for a command, and interrogative for an interrogative sentence. In addition, there is another type of speech act. Based on Searl's classification, it seems possible to distinguish assertive, commissive, representative, directive and expressive speech acts. In this paper the following questions are brought up for discussion: what types of illocutionary acts are found in the discourse of UN treaties; how often they are used; how these types of illocutionary acts reflect the nature of the discursive contract model. The data obtained unambiguously indicate that there is no possibility of exclusive use of one type of speech act. Nevertheless, the conducted research allows us to conclude that there is the most pronounced frequency of the use of constitutive and commission categories, while the directive is used to a much lesser extent. We assume that such a high demand for commission and constitutive concepts is considered a reflection of the very essence of the agreement, which by its nature is not so much an order as an obligation defined by a targeted policy, and is also necessarily accompanied by clear definitions of relative terms.

Keywords: illocutionary act, illocutionary act, speech act, legal discourse, mood, speech act, systemic functional linguistics, performatives and constatives, pragmatics, international treaty.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В этой статье исследуется важный аспект теории речевого акта, а именно иллокутивный речевой акт в рамках в перспективе международного дискурса. Данный речевой акт несет в себе тип функции, которую говорящий намеревается выполнять в ходе произнесения высказывания, определенного в системе социальных конвенций [1, с.107]. Теория речевого акта тесно переплетается с прагматикой – изучением использования языка, при котором объектом внимания и анализа становится влияние произнесенных или написанных слов и выражений в вербальном и невербальном контексте. Разговорная и письменная речь – является не просто высказыванием (что является примером локутивного акта), но также и исполнением (пример иллокутивного акта), и согласно этому принципу произнесение означает «выполнение действий с помощью слов» [2, с.51].

Однако различные типы высказываний, являющиеся по своей природе утверждением, командой, вопросом и т. д., способны производить различные типы иллокутивных актов: декларативный иллокутивный акт, императивный, вопросительный, которые составляют три основные категории наклонения в английском языке. При этом каждое отдельное действие может быть выражено с разной степенью силы, таким образом, выражение «иллокутивная сила» или эффект речевого акта предназначен для воздействия на определенную аудиторию.

Определение иллокутивного акта высказывания часто выходит за рамки ссылки на его пропозициональное содержание. Это тесно связано с понятием индикатор иллокутивной силы. Высказывания различных синтаксических структур, таким образом, разные иллокутивные силы, такие как «close the window» и «could you close the window, please», имеют одинаковое пропозициональное содержание, хотя первая представляет собой приказ, последняя – просьбу. Это можно считать ярким

примером того, что люди предпочитают использовать определенный тип коммуникации, поскольку тип отношений определяет характер общения, которое люди используют в повседневной жизни. Таким образом, в настоящей работе рассматривается вопрос о выборе типа коммуникации на высоком уровне межличностных отношений, а именно о том, как собеседники адаптируют свои высказывания к иллокутивной силе международных договоров.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которой основывается автор, выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Концепция дескриптивизма всегда была центральной в философии языка с общим пониманием о том, что высказывания выполняют прежде всего для описательную функцию. Эта теория была открыта для аргументов, когда в 1955 году Остин произнес свою новаторскую речь «Как производить действия при помощи слов». Фактически, Остин замечает, что, «произнося слова, мы не только описываем ситуацию, но и выполняем своего рода действие, а что касается видов действий, совершаемых при использовании языка, первоначальное различие проводилось между констативом и перформативом» [3, с.32]. Первые обозначают предложения, характеризующиеся как описательные, то есть они описывают или констатируют вещи и, следовательно, оцениваются как истинные или ложные, вторые обозначают типы высказываний, которые вместо описания совершают действия и, оцениваются скорее с точки зрения условия успешности речевого акта.

С тех пор самой распространенной мыслью в области теории речевых актов стала мысль о том, что, «пытаясь общаться, люди не только производят высказывания, содержащие грамматические структуры и слова, но фактически выполняют действия посредством этих высказываний» [4, с.127]. что привело к закату теории описательности и расцвету современной теории изучения речевых.

Таким образом под речевым актом первоначально понимались действия, совершаемые посредством перформативных высказываний, например, «Я назначаю Вас финансовым директором фирмы» и т. п. Очевидно, что подобные высказывания созданы для того, чтобы делать что-то, а не просто что-то транслировать или описывать. Такие предложения называются перформативами с такими отличительными чертами, как подлежащее в первом лице, изъявительное наклонение, простое настоящее время, активный залог и перформативный глагол [5, с.51]. Перформатив противопоставляется констативу – описательному предложению, являющемуся просто констатацией факта («Я хожу на работу каждый день»).

На различие между перформативами и констативами часто ссылаются в работах по праву, в литературной критике, в политическом анализе и в других областях, но это различие, не было в конечном итоге оправданным. [6, с.77]. На самом деле каждое нормальное высказывание имеет как описательный, так и побудительный аспект. Эта констативно-перформативная дихотомия исчерпала себя с возникновением нового концепта, предполагающего существование локутивного, иллокутивного и перлокутивного актов, охватывающих характеристики большинства высказываний, будь то перформативные или констативные [7, с.81].

Проиллюстрируем вышесказанное на примере фразы «Catch her», которую можно воспринять следующим образом:

- Акт (А) или изречение (локуция).
- Действие (В) или иллокуция: он убеждал (или советовал, приказал и т.д.) меня поймать ее.
- Акт (С) или перлокуция. Он убедил меня поймать ее.

Пример демонстрирует, что локуция – это акт произнесения, иллокуция - намерение, а перлокуция - эффект. В более широком смысле слова локуция – это буквально

значение, передаваемое через синтаксическую лексику, фонологию; построение речи путем произнесения определенных звуков или нанесения определенных знаков, использования определенных слов и т. д. Иллокуция – это намек на намерение говорящего, перлокуция – это следствие, побочный продукт или следствие разговора или, проще говоря, воздействия на мысли, чувства или действия адресата.

Серл классифицирует речевой акт на пять типов «в зависимости от различных функций или иллокутивных сил: ассертивы, директивы, комиссивы, экспессивы и декларативы» [8, с.37]. Многие лингвисты возражают против подхода Серла, поскольку он сосредоточен на конститутивных правилах.

Юридический текст существенно отличается от обычной речи тем, что юридические тексты характеризуются особыми иллокутивными силами «создания, изменения или прекращения прав и обязанностей физических и юридических лиц» [9, с.105]. И такие юридические тексты, называемые Остином письменными перформативами, включают такие документы, как конституции, акты, контракты (включая договоры, в том числе международные договоры), приказы, статуты, завещания, указы. Каждый жанр юридического текста имеет свой собственный стереотипный формат, обычно написанный на юридическом языке и обычно содержит один или несколько юридических речевых актов, которые предназначены для выполнения его предполагаемой функции [10, с.127]. Юридические тексты, несмотря на их характер, обладают нормативными характеристиками, поскольку они описывают и устанавливают стандарты и правила поведения, поэтому что правовая норма обязательно формулируется в повелительном наклонении. Выделяются директивные, комиссионные и конститутивные юридические речевые акты [11, с.145].

Необходимо отметить, прагматические свойства юридического дискурса исследовались многими авторами, особенно в рамках теории речевого акта. Однако в этих исследованиях или редких попытках явно отсутствует анализ макроречевых актов. Многие из них являются анализами, ограниченными микроречевым актом, то есть они рассматривают отдельные высказывания, а не рассматривают тексты или последовательности текстов в целом [12, с.17]. Эта тенденция к ограничению анализа на уровне предложений является недостатком, поскольку мы думаем, что тексты могут иметь определенную иллокутивную силу, зависящую от стиля. Например, договор в письменной форме можно рассматривать как комиссивный макроречевой акт. Исследовании представляет собой особый интерес в связи с тем, что в нем сделана попытка внести свой вклад в юридическую практику, рассматривая данный аспект макроречевого акта в международных договорах.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи. Основная цель состоит в том, чтобы определить природу типа речевого акта, проиллюстрированного на языке конвенций, соглашений, используя теорию речевого акта с акцентом на иллокутивный речевой акт.

Постановка задания. Для достижения указанной выше цели необходимо ответить на следующие вопросы: 1) Какие типы иллокутивных актов встречаются в дискурсах договоров ООН? 2) Насколько они используются? 3) Как эти типы иллокутивного акта отражают природу дискурсивной модели договоров?

Используемые методы, методики и технологии. Исследование проводилось с привлечением методов аналитического обзора научной литературы, анализа, сравнения, обобщения.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Юридические тексты, несмотря на их характер, обладают нормативными характеристиками, поскольку

они описывают и устанавливают стандарты и правила поведения. Это дает на первый взгляд ощущение, что правовая норма обязательно формулируется в императиве. Тем не менее, в этом исследовании мы видим нечто иное. Наши результаты показали, что использование явного императива – очень редкое исключение. Фактически, что касается наклонения, существует исключительно использование декларативного (изъявительного) за счет вопросительного явного императива. Что касается типов иллокутивных актов, встречающихся в дискурсе договоров ООН, то лидирующее место занимают конститутивные акты, в значительном количестве представлены обязательства, и достаточно редко используются команды (императивы). Таким образом, императивный стиль дискурса юридических текстов в значительной степени не применим к договору.

Поскольку договор является свободным волеизъявлением равноправных участников, острая необходимость в использовании авторитарного стиля дискурса, такого как императив, отсутствует, и это объясняет большую склонность к конститутивному определению процедур и предоставлению информации о применении договора, и как следствие ограниченному использованию директив.

Договор является законом и как таковой предполагает строгое соблюдение определенных нормативных правил, предполагающее использование командного стиля. Но договор *a priori* представляет собой переговоры, определенный компромисс между союзными и ассоциированными державами, когда ни одна из сторон фактически не имеет властных полномочий. В таких обстоятельствах, приоритет должен быть отдан более дипломатическому подходу к вопросам, вызывая необходимость использования эвфемизмов, поскольку выполнение договора является проявлением свободы воли. Это в значительной мере и объясняет высокую частотность употребления коммиссивных речевых актов.

Проанализируем речевые акты, используемые в «Законе о тихоокеанском урегулировании международных споров».

- 1) Dispute shall be submitted
- 2) Disputes shall be submitted
- 3) A commission shall be constituted.
- 4)
 - a) The commission shall be composed...
 - b) The parties shall nominate...
 - c) The three commissioners shall be appointed...
 - d) These three commissioners must be...
 - e) The parties shall appoint the President.
 - f) The commissioners shall be appointed.
 - g) They shall be re-eligible
 - h) The commissioners may be replaced
 - i) Vacancies shall be filled within the shortest time
- 5)
 - a) Special commission shall be constituted
 - b) The necessary appointments shall be made
- 6)
 - a) Appointments shall be entrusted to a third Power
 - b) The appointment shall be made in concert
- 7)
 - a) Disputes shall be brought before the Conciliation Commission
- 8)
 - a) The application shall contain...
- 9)
 - a) Either party may replace its own commissioner
 - b) The parties shall notify
- 10) a) The work shall not be conducted

Высказывания (1); (2) просто утверждения о планах на будущее. Их иллокутивная сила не выходит за рамки информирования государств-членов о том, как будут разрешаться потенциальные конфликты. На самом деле это отражает соглашение без каких-либо ограничений.

(3), напротив, подпадает под категорию директивы как речевого акта и команды как иллокутивной силы. Несмотря на то, что оно представлено как таковое, на самом деле обусловлен запросом, требованием и, следовательно, выходит за рамки добровольного участия. Однако это неявная команда. 4 (a), (b) и (c) – все простые информативные, не отличающиеся от (1); (2) но, 4 (d) – явная директива как речевой акт и команда как иллокуция. Это редкое исключение, поскольку директива в договорах обычно подразумевает сохранение этого смысла эвфемизма в выражении и больше похоже на конвенцию. 4 (e), (f), (g), (h) – конститутивны. 4 (h) отличается от них тем, что является необязательным вариантом, а не четким и строгим пунктом будущего плана. 4 (i) коммиссивен. Это обязательство выполнить задачу в ограниченные сроки. 5 (a) и (b), несмотря на их конститутивную особенность, на самом деле являются директивными и командными, поскольку они должны выполняться в соответствии с внешними условиями. Это неявная команда, как и 6 (a) и (b). 7 (a), (b) – инструкции относительно обращения в комиссию по примирению в случаях конфликта. 8 (a) – это акт разрешения, как 4 (h), за которым следует директива 8 (b). 9 (a); (b) информируют о планах на будущее, но на самом деле они транслируют подразумеваемое добровольное участие членов комиссии и, следовательно, являются коммиссивными. 10 (a) является актом запрета, ограничительной мерой в отношении того, что следует делать или нет, отражая истинный пример статей закона. Затем он попадает в категории директив и команд.

Можно заметить, в материале наблюдается своего рода чрезмерное использование слова «shall», которое чрезвычайно гибко в использовании. Иногда он означает будущее, часто выражает обязательство как синоним «must» или даже выражает возможность как синоним «may». В юрисдикции он в основном используется для выражения будущих действий или обязательств, но в данном случае он в основном используется в своем будущем смысле, чтобы определять, организовывать и устанавливать путь для функционирования союза. Обоснование данного лингвистического выбора связано с необходимостью четко определить условия конвенции, подчеркнуть конвенциональный характер договоров и соответствовать контекстуальной реалии.

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях. Аналогичные исследования, проведенные зарубежными и отечественными учеными-языковедами, также подтверждают преобладание конститутивной и коммиссивной природы речевых актов, присущих содержанию международного договора и ограниченное использование директива.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования. Международный договор – это добровольное выражение сторонами равных отношений и полномочий при заключении договоров (*treaty-making power*). Таким образом, речь идет не столько о простом установлении нормативных правил и стандартов, сколько о переговорах и обязательствах, и нет ничего странного в том, что текст договора как правило проявляется в форме декларации. Является очевидным тот факт, что текст международного договора имеет директиву в качестве ключевой функции. Это представляет собой попытку обязать людей действовать определенным образом, например, заставить их сохранить окружающую среду, разрешить конфликты и ликвидировать расовую дискриминацию. Однако текст международного договора составляется таким образом, что технически подразумевает добровольное участие договаривающихся сторон. Написание договора в командном стиле бесспорно является неприемлемым, поскольку мы имеем дело с соглашением между государствами, имеющими полную свободу действий.

Теоретический анализ материалов по исследуемой проблематике, позволил нам сделать вывод о составе ил-

локутивных речевых актов, встречающихся в дискурсе международных договоров. По результатам проведенного исследования было выявлено значительное преобладание конститутивных и комиссивных речевых актов (обязательств) по сравнению с императивом, который был представлен в исключительных случаях и «завуалированной» форме, что, на наш взгляд, является естественным отражением самой природы любого договора, в том числе международного.

Перспективы дальнейших изысканий данного направления. Полученные данные однозначно свидетельствуют об отсутствии возможности исключительного использования одного типа речевого акта. Тем не менее проведенное исследование позволяет прийти к выводу о существовании наиболее ярко выраженной частотности употребления конститутивных и комиссивных категорий, в то время как директива используется в гораздо меньшей степени. Предполагаем, что подобная высокая востребованность комиссивных и конститутивных понятий представляется нам следствием самой сущности договора, который является не столько приказом, сколько обязательством, определенным целенаправленной политикой, в обязательном порядке сопровождающимся четкими определениями относительных терминов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Searle J. R. *Speech Act: An Essay in the Philosophy of Language*. London: Cambridge University Press, 1969. 203 p.p.
2. Austin J. *How to Do Things with Words*. Oxford, New York: Oxford University Press, 1955. 166 p.p.
3. Бухаров В.М., Никонова Ж.В. Интенсивность реализации иллокутивной силы в речевом акте // *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова*. 2018. № 44. С. 31-39.
4. Орозбекова С.О., Сарымсакова А.Ж. Речевой акт как минимальная единица речевой деятельности // *Вестник Кыргызского государственного университета строительства, транспорта и архитектуры им. Н. Исанова*. 2017. № 1 (55). С. 125-128.
5. Тарасова О.Н. От речевого акта к речевой стратегии // *Гуманитарные исследования*. 2020. № 2 (74). С. 49-55.
6. Ерёмина О.В. Речевой акт vs коммуникативный акт: к вопросу о взаимозаменяемости понятий // *Евразийский союз ученых*. 2017. № 8-1 (41). С. 76-77.
7. Абдукадырова Т.Т., Гучигова А.Д. Использование пропозитивных и иллокутивных актов речевых намерений как фактор развития коммуникативной компетенции в преподавании иностранного языка // *Известия Чеченского государственного университета*. 2020. № 2 (18). С. 77-81.
8. Каджая Л.А., Салимовский В.А. Описание как иллокутивный акт и тип речи // *Филология в XXI веке*. 2018. № 1 (1). С. 36-41.
9. Иксанова Р.М., Цепкова И.П. Лингво-прагматический анализ речевых реакций на директивные речевые акты (на материале британских и американских ситкомов) // *Казанская наука*. 2019. № 4. С. 103-107.
10. Насонова А.М. Речевой акт запрета в системе речевых актов // *Аспирант*. 2020. № 4 (55). С. 126-128.
11. Мартиросян А.Д. Функционирование менасивных речевых актов в политическом дискурсе в форме других типов речевых актов // *Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки*. 2018. № 1 (28). С. 142-149.
12. Didikin A.B. *Speech acts and actions in legal language: conceptual analysis* // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2020. Т. 15. № 1. С. 12-26.

Статья поступила в редакцию 26.02.2021

Статья принята к публикации 21.05.2021